
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 1:(091)

СКЕПСИС М. МОНТЕНЯ КАК ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА К САМОМУ СЕБЕ

SKEPTICISM M. MONTAIGNE AS A HUMAN PATH TO HIMSELF

Т.В. Торубарова
T.V. Torubarova

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
Россия, 105005, Москва, ул. 2-я Бауманская, 5

Курский государственный университет, Россия, 305000, Курск, ул. Радищева, 33
Bauman Moscow State Technical University, 5 2nd Bauman St, Moscow, 105005, Russia
Kursk state university, 33 Radishcheva St, Kursk, 305000, Russia

E-mail: ttorubarova@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется ключевой пафос «Опытов» М. Монтеня, заданный скептическим настроением как методическим принципом, открывающим путь постижения человеком самого себя. Разъясняется, что внешнее окружение изменчивых вещей – это лишь тот эмпирический контекст, в котором уже зреет некая интеллектуальная нагруженность, воспроизводящая методическое усилие Монтеня как определенного способа самообладания. Обретение человеком себя осуществляется в опыте, который он «ставит на самом себе», человеке, подверженном изменению, таком, каким он есть в эмпирически пролегающих к нему обстоятельствах. Отмечается, что скепсис, через который должен пройти человеческий дух, есть необходимость его собственной природы. М. Монтень подготавливает почву для радикального сомнения, определяющего основной настрой новоевропейского мышления.

Resume. The article analyzes the key pathos of "Experience" M. Montaigne, skeptical given as a methodological principle of opening the way to a man of understanding himself. It is clarified that the external environment is changing things - it is only the empirical context in which there appeared a kind of intellectual loading, reproducing methodical effort Montaigne how a certain way of self-control. Finding the man himself made the experience that he "puts on himself," a man prone to changes, such as it is, empirically lies to him the circumstances. It is noted that skepticism, which must pass through the human spirit - there is a necessity of his own nature. Montaigne paves the way for radical doubt, which determines the basic spirit of modern European thought.

Ключевые слова: опыт, скептицизм, человек, методический принцип, изменение, разум.
Keywords: experience; skepticism; people; methodological principle; change; minds.

Еще в XV столетии европейский человек был христианином, платоником и стоиком. Но он живет уже двойной игрой, игрой веры и разума, хотя принципы этой игры противоположны и в своем предельном значении несовместимы. В этой игре человек становится политико-экономическим существом, в котором атеистическое начало оказывается уже неизбежным, так или иначе себя сказывающим. Впрочем, и в церковно-верующем человеке политико-экономическое измерение оказывается во многом определяющим. Фундаментальным открытием христианского миропонимания оказывается то, что челове-

ская жизнь в конечном счете не есть занятость самим собой, а посвящение себя тому, что имеет никогда не преходящий смысл. Человек в период эллинизма считал, что жизнь достаточно хороша, если она не сгибается под ударами судьбы. Жизнь есть процесс претерпевания чего угодно, согласно стоицизму, и это умонастроение было блестяще выражено Сенекой в его «Письмах к Луцилию». В христианстве человеческая жизнь получает смысл миссии, в противоположность претерпеванию судьбы, которая воспринималась как имеющая сугубо внешний характер. Понимание жизни как посвящения себя чему-либо, причем весьма важному, в высшей степени важному, а не просто использования по случаю чего-то возможного или даже данного, – все это не просто формировало заново, но и обостряло чувство и сознание ответственности. Н. Кузанский во многом определял христианскую мысль в XV столетии, то есть начало развития так называемой естественной религии. Восстание М. Лютера, называемое протестантизмом, вело к утверждению мирского начала: когда мы служим миру в том своем положении, которое определено божественным предназначением, тогда и тем самым мы служим Богу [10, с. 29]. Следует еще упомянуть основателя иезуитского ордена Игнатия Лойолу. Он по сути дела был первым основателем современных политических институтов, лишенных уже всякого мистического смысла. Иезуиты и протестанты совпадают в исторической траектории, поскольку они принадлежат к XV столетию, к одному периоду, который является переходным.

С одной стороны, увлечение готикой, которая оказывалась изоцирцированным теологизированием, мистицизмом и пиетизмом. Это еще тот же средневековый мир, но уже независимый от Бога, коль скоро его проект творения мира из ничего никак невозможно понять. Сам У. Оккам и его последователи выполняли сугубо критическую и негативную задачу. Бог, говорили они, творил мир вовсе не по силлогизмам Аристотеля, поэтому план божественного творения невозможно понять посредством дедукции. Созданный Богом мир, есть абсолютный и совершенно обнаженный факт. Следует изучать фактичность мира как такового, который невозможно объяснить с помощью тех или иных принципов, поскольку Бог творил мир и сохраняет этот мир по своей свободной воле, непостижимой человеческим разумом. Конкретная связь человека с Богом тем самым в корне разрывается.

С другой стороны, гуманизм, подчеркивающий божественность человека в присутствии ему разуме и в способности приобщиться к проекту творения и сохранения мира. Небесный и звездный мир, будучи эфирным, неизменным и неразрушимым, оказывается совершенным, единообразным и круговым в своем движении, тогда как земное движение есть или насильственное, или естественное и прямолинейное движение, т. е. движение вверх и вниз. И всякое земное движение имеет начало и конец в отличие от небесного кругового движения. Небесный мир является неизменной реальностью субстанциальных форм, которые есть духовные сущности, тогда как земные вещи являют себя в материальном обличии. Согласно томизму, каждый род вещей имеет единую форму, но, будучи материальными, они индивидуализируются и изменяются. Скажем, форма собаки или кошки неразрушима и всегда самоидентична, причем одна субстанциональная форма не может изменяться и преобразовываться в другую. Это есть мир, который не терпит никаких изменений. И человеческое общество составлено из неизменных и замкнутых в самих себе рангов и сословий, т. е. королей, дворян разных рангов, крестьян, ремесленников и т. д. Как отмечает А.Я. Гуревич: «Пространство средневекового мира представляет собой замкнутую систему со священными центрами и мирской периферией» [4, с. 82].

Еще в начале XV столетия универсум был создан из субстанциональных и неизменных форм, которым соответствовали в человеческом обществе социальные ранги и сословия. Это был хорошо известный и понятный мир, в котором не могло быть ничего нового, все было ритуализировано и пронизано сакраментальным; все оказывается формализованным, и для каждого случая есть свой канон. Техника дефиниций, дистрикций, формальных приемов проведения дискуссий и интерпретаций авторитетных текстов – таков был характер университетского образования. Отсюда и обширные комментарии по теологии, логике, философии и грамматике, которые не могли терпеть ни Марсилио Фичино, ни Эразм Роттердамский, ни реформатор Мартин Лютер. Парализованная формализмом, вера становилась просто безжизненной. Человек вовлекался в мир, не знающий никаких изменений и преобразований. Горизонт средневековой мысли по отношению к

будущему был замкнут в том смысле, что само будущее осознавалось как близкий конец этого мира. Время не было собственностью человеческих дел и вещей, хотя уже в XVI столетии механические часы получают широкое распространение. Позиция по отношению к бытию и времени заключалась, прежде всего, в том, что прошлое было лучше нынешних времен. Какое может быть хорошее время после грехопадения? Само время губительно для этого мира и человека в его сугубо мирском положении. Время постижимо только в силу наличия души в земном человеческом пребывании, тогда как само по себе оно просто ничто в силу того, что оно просто преходяще. И вот Ренессанс обращается к античному миру, то есть к мудрости Платона и Гермеса Трисмегиста, к римской республиканской доблести и к эстетике жизни в противовес христианской аскетике. И протестантизм обращался к изначальному христианству.

Леонардо да Винчи родился в 1452 г.; Н. Макиавелли и Эразм Роттердамский в 1466 г. Они были уже предвестниками эпохи Нового времени. Нам ныне уже трудно понять ту субстанциональную, можно сказать, терпимость, которая была присуща средневековому человеку. Он жил в контексте ритуалов, аллегорий и символов. Здесь было мало места для глубоких изменений и преобразований, однако всегда была возможность апелляции или возвращения к изначальным и незамутненным формам жизни. Но возвращение к изначальным и простым способам бытия – это скорее есть реформа, нежели радикальное, т. е. революционное изменение. Как раз этот дух был присущ ренессансному гуманизму, и с этого духа начинается религиозная реформация. Имел место импульс к прошлому, а не к будущему. Будущее по сути дела возможно только как возвращение к изначальным истокам, к исходному и совершенно незамутненному миру, а не только к античной красоте, доблести и мудрости. Петрарка призывал возвратиться к античности и к отцам церкви, а Эразм много времени уделял изданию трактатов отцов церкви и трудов, которые относились к раннему христианству. «Основной чертой раннего Ренессанса является познание вечного изменения всех вещей, преходящести человека и в качестве утешения убежденность в том, что величие человека продолжает жить в славе и в преобразованиях» [3, с. 75].

Новоевропейский человек уже верит, что он может изменять и строить новый мир в силу наличия тех или иных идей. Появляется идея национального государства, инициаторами которой были католические монархи. Формируется убеждение, что будущее полностью нам открыто, что оно по сути дела всегда может быть в наших руках, и мы сами способны улучшать и изменять нашу жизнь в различных ее измерениях. Изменяется само понимание реальности, которая уже не замыкается по отношению к настоящему и прошлому, но всегда открыта будущему в процессе ее непрерывного становления. Необходим опыт этой непрерывно изменяющейся реальности. И особенно показательны в этом плане «Опыты» Мишеля Монтеня в их скептической направленности. Он пишет: «Человеческий разум настолько недостаточен и слеп, что нет ни одной вещи, которая была бы ему достаточно ясна... что все явления и вся природа единодушно отвергают его компетенцию и притязания» [6, с. 140]. И далее он восклицает: «Не смешно ли, что это ничтожное и жалкое создание, которое не в силах управлять даже собой и предоставлено ударам всех случайностей, объявляет себя властелином и владыкой Вселенной, малейшей частицы которой оно даже не в силах познать, не то что повелевать ею!» [6, с. 141]

Монтень охотно цитирует Плиния Старшего: «Нет ничего достоверного, кроме самой недостоверности, и нет твари более злополучной и более заносчивой, чем человек» [6, с. 574, примеч. 57]. Вот почему, говорит Монтень, «нет ничего более правдоподобного и полезного, чем пирронизм. Он рисует человека нагим и пустым; признающим свою природную слабость; готовым принять некую помощь свыше; лишенным человеческого знания и тем более способным вместить в себя знание божественное...» [6, с. 206]. «Нам следует поглупеть, чтобы умудриться, и ослепить себя, чтобы дать вести себя» [6, с. 190].

В «Апологии Раймунда Сабундского» развенчание человеческого разума начинается словами ап. Павла: «Наша мудрость – лишь безумие перед лицом Бога» [6, с. 140]. Образцом такого рода скептицизма является уже трактат Агриппы Неттесгеймского «О недостоверности и тщете наук» (1526). Несомненная ранее разумность мира, в котором действуют силы симпатии и антипатии, распадается на бытие природы, лишенное разумных

форм, и на только лишь возможный разум. Прежняя осмысленность мира осознается уже как просто измышление, имеющее в своей основе не столько разум, сколько страсть, корысть и воображение. Действующая на человека реальность всегда им как-то оговорена и осмыслена, и в силу этого она, прежде всего, действительна. «...Нет такой зародившейся в человеческом воображении выдумки, сколь бы сумасбродной она ни была, которая не встретила бы где-нибудь как общераспространенный обычай и, следовательно, не получила бы одобрения и обоснования со стороны нашего разума» [5, с. 141]. И прославленные мыслители древности, начиная от Фалеса и Пифагора вплоть до Демокрита и Платона, руководствовались скорее воображением, нежели рассудком и разумом. «Меня нелегко убедить в том, – говорит Монтень, – что Эпикур, Платон и Пифагор принимали за чистую монету свои атомы, свои идеи, свои числа: они были слишком умны, чтобы верить в столь недостоверные и спорные вещи» [6, с. 212].

Раз все оказывается измышляемым, то нужно сначала очистить разум, чтобы затем все начинать заново и сначала. М. Монтень словно подготавливает почву для радикального сомнения, определяющего основной настрой новоевропейского мышления, в лице Ф. Бэкона и Р. Декарта.

Господствующий над человеком мир со всеми его силами, сферами и существами оказывается созданным человеческим воображением, его разумом осмысленный и мерой его разума обосновываемый. Это есть по сути дела измышляемый мир, о котором говорил еще Аристотель, выясняя воззрения предшествующих ему мыслителей и подчеркивающий, что этот измышляемый мир исключает возможность воспринимающего созерцания подлинно существующего мира, причем единого, единственного и необходимого. Об этом же говорит и Монтень, подчеркивая наличие божественного мира, а не измышляемого и воображаемого по человеческим прихотям и упованиям. Человек тем самым лишается всякой возможности иметь свой собственный взгляд на мир как таковой, иметь свой ясный и отчетливый взгляд хотя бы на природный порядок вещей, не говоря уже о его собственной природе и характере общественного устройства человеческих положений и дел. «Если бы в один прекрасный день, – пишет Монтень, – природа захотела раскрыть нам свои тайны, и мы увидели бы воочию, каковы те средства, которыми она пользуется для своих движений, то, боже правый, какие ошибки, какие заблуждения мы обнаружили бы в нашей жалкой науке!..» И далее: ведь природа не столько постигается, сколько искажается в «прикрытой и затуманенной картине, просвечивающей бесконечным множеством обманчивых красок, над которыми мы изоощряемся в догадках» [6, с. 240–241]. После Монтеня, почти через сто лет, Б. Спиноза скажет: «Итак, мы видим, что все способы, какими обыкновенно объясняют природу, составляют только различные роды воображения и показывают не природу какой-либо вещи, а лишь состояние способности воображения» [2, с. 400].

Разного рода учения не столько способствуют постижению природы, сколько отгораживают нас от нее. В этих учениях человек сталкивается с самим собой. В силу своей природы человек пребывает в измышляемом им мире, который отделяет его от подлинной природы вещей. Осмысленный человеком мир несовместим с природой как таковой. Поэтому «уверенность в несомненности есть вернейший показатель неразумия и крайней недостоверности; и нет людей более легкомысленных и менее философских, чем филодоксы Платона» [6, с. 246]. Но не это главное. Имеет место всегда одно из двух: «либо мы способны судить о вещах до конца, либо мы совершенно неспособны судить о них» [6, с. 271]. Скепсис Монтеня, как бы предвосхищая последующую человеческую самоуверенность судить все и обо всем, причем абы как, совершенно неожиданно замечает: «Весьма вероятно, что естественные законы существуют... однако у нас они утрачены по милости.. замечательного человеческого разума, который во все вмешивается и повсюду хочет распоряжаться и приказывать, но следствие нашей суетности и непостоянства лишь затемняет облик вещей» [6, с. 294]. Необходим новый разум, еще не знающий самого себя и присущее ему измерение. «Мыслительный опыт не может быть обретен мгновенно, он выкристаллизовывается постепенно, вбирая в себя уже существующий опыт жизни и соединяя его с той внутренней структурой, что может быть названа «первоопытом»» [9, с. 145]. Пока это есть просто скептический разум, охватывающий своим сомнением все

многообразие мнений. Ведь ум в своем самомнении оказывается просто безрассудным. «Разум – оружие, – пишет Монтень, – опасное для самого владельца, если только он не умеет пользоваться им благоразумно и осторожно» [6, с. 267–268]. И несколько далее он размышляет так: «В течение трех тысячелетий небосвод со всеми своими светилами вращался вокруг нас; весь мир верил в это, пока Клеанф Самосский или ... Гикет Сиракузский не вздумал уверять, что в действительности Земля движется вокруг своей оси по эклиптике зодиака; а в наше время Коперник так хорошо обосновал это учение, что весьма убедительно объясняет с его помощью все астрономические явления... И кто знает, не появится ли какая-нибудь третья точка зрения, которая опровергает обе предыдущие» [6, с. 281].

Опыты на себе, опыты своего собственного ума – в этом суть «Опытов» Монтеня. Ведь мы не знаем вещи так, как они есть сами по себе; «ибо, если бы мы знали вещи, как они есть, мы воспринимали бы их одинаково...» [6, с. 271]. Ум устраняется от постижения всего сущего. Он уходит в себя в непрерывном акте сомнения. Именно Монтень в своих «Опытах» прокладывает путь к новой метафизической позиции, которая обретает фундаментальный характер, прежде всего, в философии Р. Декарта. Можно ли верить мнениям и суждениям тех, размышляет Монтень, кому «так и не удалось постигнуть самих себя и познать свою природу, неизменно пребывающую у них на глазах и заключенную в них самих...». И восклицает: «Но кто способен представить себе, как на картине великий облик нашей матери-природы во всем ее царственном великолепии; кто умеет читать ее бесконечно изменчивые и разнообразные черты...» [6, с. 17].

В начале второй главы третьей книги своих «Опытов» Монтень пишет: «Другие творят человека; я же только рассказываю о нем и изображаю личность, отнюдь не являющуюся перлом творения, и будь у меня возможность вылепить ее заново, я бы создал ее ... совсем иною. Но дело сделано, и теперь поздно думать об этом. Черты моего рисунка несколько не искажают истины, хотя они все время меняются... Весь мир – это вечные качели. Все, что он в себе заключает, непрерывно качается: земля, скалистые горы Кавказа, египетские пирамиды, – и качается все это вместе со всем остальным, а также и само по себе. Даже устойчивость – и она не что иное, как ослабленное и замедленное качание» [8, с. 342]. Он подчеркивает: «Я выставляю на обозрение жизнь обыденную и лишенную всякого блеска, что, впрочем, одно и то же. Вся моральная философия может быть с таким же успехом приложена к жизни повседневной и простой, как и к жизни более содержательной и богатой событиями; каждый человек полностью располагает всем тем, что свойственно всему роду людскому» [8, с. 343]. Апеллируя к вещам, к событиям реальной жизни, Монтень вовсе не следует эмпирическим законам, но черпает из всего многообразия мира, калейдоскопа осуществляющихся событий динамизм, тот жизненный ритм, который свойственен внутреннему движению своей души, который способствует обретению внутреннего единства, угадываемому в личностном самостоянии человека, в его сущности, в том, что зовется истиной. Стремление познать самого себя является неким эвристическим принципом, позволяющим проникать в глубины и тайны человеческого существования, на волне всегда личностно конституируемого внутреннего опыта обретать реальный смысловой контекст некоего единства «Я».

Во многих местах своих «Опытов» Монтень говорит об изображении им самого себя [1, с. 238–239]. Другие творят человека, тогда как я, отмечает Монтень, просто рассказываю о себе как конкретном человеке. «Авторы, говоря о себе, сообщают читателям только о том, что отмечает их печатью особенности и необычности; что до меня, то я первый повествую о своей сущности в целом, как о Мишеле де Монтене, а не как о филологе, поэте или юристе» [8, с. 343]. Поскольку мир беспрестанно изменяется, а человек есть составная часть мира, то и он беспрестанно изменяется. Для Монтеня человек не есть величественное и загадочное существо, вызывающее благоговейное изумление. Он также не желает воспринимать человека и его мир трагически. Ведь человек есть «изумительно суетное, поистине непостоянное и вечно колеблющееся существо», «столь же нелепое, сколь и смешное», «шут из фарса» и т. п. Необходим опыт для постижения человека как постоянно колеблющегося существа. Это есть «опыты над самим собой» или «опыты на самом себе» [1, с. 242]. «Я хочу, – говорит Монтень, – чтобы по моим писаниям можно было проследить развитие моих мыслей и

чтобы каждую из них можно было увидеть из под моего пера. Мне будет приятно проследить, с чего я начал и как именно изменился» [6, с. 37].

Внешний мир есть лишь театральная сцена для прояснения внутреннего самостояния человека, его духа. Монтень основной замысел раскрывает так: «... проследивать извилистые тропы нашего духа, проникать в темные глубины его, подмечать те или иные из бесчисленных его малейших движений – дело весьма нелегкое, гораздо более трудное, чем может показаться с первого взгляда. Это занятие новое и необычное, отвлекающее нас от повседневных житейских занятий, от наиболее общепринятых дел. Вот уже несколько лет, как все мои мысли устремлены на меня самого, как я изучаю и проверяю только себя, а если я и изучаю что-нибудь другое, то лишь для того, чтобы неожиданно ... приложить это к себе или, вернее, вложить в себя» [8, с. 198–199]. Внешнее окружение изменчивых вещей – это лишь тот эмпирический контекст, в котором уже зреет некая интеллектуальная нагруженность, воспроизводящая методическое усилие Монтеня как путь постижения себя, как определенный способ самообладания. Монтень постоянно отмечает, что его интересует знание не о вещах, а о самом себе. Он знает о своем неведении, но оно полно силы и благородства. Не самоуверенность, а, прежде всего, неведение, взывающее к самопознанию, есть самый надлежащий путь к достижению правильной жизни: «Никакое особое достоинство, – пишет Монтень, – не преисполнит гордостью того, кто осознает все великое множество присущих ему несовершенств и слабостей, и вдобавок ко всему – все ничтожество человеческого существования. ... Сократ... в результате... самопознания проникся презрением к себе, он удостоился звания мудреца. Тот, кто сумеет таким же образом познать себя, может не бояться говорить о результатах своего познания» [8, с. 201]. Во всем сущем, говорит Монтень, следует, прежде всего, отыскивать самого себя. Вот в чем суть вообще. «Самое стремление порождает в нас образ вещи, которую мы имеем в виду, а ведь в нем содержится добрая доля того, к чему должны привести наши действия, и представление о вещи едино с ее образом по своей сущности» [5, с. 20]. Монтень говорит о вещах в их жизненном опыте. Суть не в том, чтобы изображать самого себя. Суть в целостной личности самого человеческого существа в его непосредственных обстоятельствах. «Скромность» Монтеня, разумеется, лукавая. Он говорит: «Я первый» и «никто и никогда». До Монтеня так тоже мало кто говорил. Не говорил так ни Платон, ни Аристотель, ни Августин, ни Фома Аквинский, ни даже Ник. Кузанский. А Монтень говорит: «И жизнь правителя, и жизнь простолюдина – это всегда человеческая жизнь, полная обычных для нее превратностей» [8, с. 573]. И здесь идет знаменитое суждение Монтеня об условии человеческого существования, а именно: только вслушивание в самого себя позволяет осознать внутренние движения своей души, ибо «Тот предмет, который я изучаю, – говорит Монтень, – больше всякого иного, – это я сам» [8, с. 572]. Стремление заглянуть в себя постоянно провоцирует живой диалог внутренней речи, который Монтень ведет на грани полифонии оттенков, вновь и вновь раскрывающихся смыслов в постижении себя. Это деятельное напряжение отражает игру «Я» в процессе его экспликации и обретения.

Обретение человеком себя осуществляется в опыте, который он «ставит на самом себе», человеке, подверженном изменениям, таком, каким он есть в эмпирически пролегающих к нему обстоятельствах. Скепсис, через который должен пройти человеческий дух, есть необходимость его собственной природы. Но желание заглянуть в глубины своей собственной души, в тайны человеческого существования проникнуто совершенно новым пафосом, в котором меняются приоритеты, в котором Я всегда на первом плане в качестве всегда активной, действующей силы, не просто участника разыгрывающегося действия, но и автора, пишущего сценарий, пусть только еще эмпирически. Контекст абсолютного постижения задаст и так виртуозно обыграет впоследствии Гегель. Но путь этому пролагает уже Монтень, его «Опыты». В них еще голос разума звучит не так полновластно и убедительно, но этой настрой и пафос подхватит Р. Декарт, мысль которого знаменует уже рождение новой метафизической позиции, в которой опыт сознания впишет новую главу в историю человеческого самоопределения.

Список литературы
References

1. Ауэрбах Эрих. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе: Пер. с нем. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000.
Auerbach Erich. Mimesis. The image of reality in the Western European literature: The lane with him. – М.: PER SE; SPb.: University book, 2000.
2. Бенедикт Спиноза. Этика // Избранные произведения в двух томах. М.: Гос. Изд-во политической литературы, 1957. Т. 1.
Benedikt Spinoza. Ethics//the Chosen works in two volumes. М.: State. Publishing house of political literature, 1957. Т. 1.
3. Бурдах К. Реформация. Ренессанс. Гуманизм/ Пер. с нем. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
Burdakh K. Reformation. Renaissance. The humanity / Lane with him. – М.: "The Russian political encyclopedia" (ROSSPEN), 2004.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Издательство «Искусство», Москва, 1972.
Gurevich A.Ya. Categories of medieval culture. Iskusstvo publishing house, Moscow, 1972.
5. Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том 1. Пер. с фр. – М.: Голос, 1992.
Michel Montaigne. Experiences. The chosen works in 3 volumes. Volume 1. The lane with фр. – М.: Voice, 1992.
6. Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том 2. Пер. с фр. – М.: Голос, 1992.
Michel Montaigne. Experiences. The chosen works in 3 volumes. Volume 2. The lane with фр. – М.: Voice, 1992.
7. Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том 3. Пер. с фр. – М.: Голос, 1992.
Michel Montaigne. Experiences. The chosen works in 3 volumes. Volume 3. The lane with фр. – М.: Voice, 1992.
8. Монтень М. Опыты. Избранные главы: Пер. с фр./ Сост., вступ. Ст. Г.Косикова; Примеч. Н. Мавлевич. – М.: Правда, 1991.
Montaigne M. Experiences. Elected heads: The lane with fr./Sost., вступ. Art. of G. Kosikov; Примеч. N. Mavlevich. – М.: However, 1991.
9. Сергеев К.В. «Театр судьбы Данте Алигьери: введение в практическую анатомию гениальности». – М.: Летний сад, 2004.
Sergeyev K.V. "Theater of destiny of Dante Alighieri: introduction to practical anatomy of genius". – М.: Summer garden, 2004.
10. Торубарова Т.В. Теология свободы (Протестантизм) // Метафизика антропоцентрической свободы (от Декарта к Канту). Издательство АП «Курск», 1994.
Torubarova T.V. Theology of freedom (Protestantism)//Metaphysics of anthropocentric freedom (from Descartes to Kant). Publishing house AP "Kursk", 1994.